

БЕЗРОГОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Член-корреспондент РАО,
доктор педагогических наук,
главный научный сотрудник ФГБНУ
«Институт стратегии развития
образования».

E-mail: bezrogov@mail.ru

ПИЧУГИНА ВИКТОРИЯ КОНСТАНТИНОВНА

Доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры педагогики ФГБОУ
ВПО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет».

E-mail: Pichugina_V@mail.ru

УДК 130.2

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ «ЗАБОТЫ О СЕБЕ» В ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ (НЕВЫНОСИМАЯ ЛЕГКОСТЬ ДОПОЛНЕНИЯ ФУКО)¹

Аннотация. Предпринята попытка в самом общем виде наметить и охарактеризовать восемь этапов в развитии представлений о принципе заботы о себе в западной культурной традиции: 1) этап завершения периода расцвета древнегреческого полиса; 2) этап римского эллинизма; 3) раннее христианство; 4) рождение индивида (XII–XIV вв.); 5) антропологический поворот раннего Модерна; 6) рационалистический

¹ Работа над статьей поддержана грантом РГНФ 14-06-00315а.

поворот среднего Модерна; 7) социальный этап позднего Модерна (XIX – первая половина XX века); 8) персоналистский акцент постмодерна (вторая половина XX – начало XXI века).

Ключевые слова: забота о себе, практики заботы о себе, Фуко, образование индивида.

© Безрогов В. Г., Пичугина В. К. 2017

**Bezrogov G. Vitaly
Victoria K. Pichugina**

**THE EVOLUTION OF THE IDEA OF CARE FOR THE SELF
IN THE WESTERN CULTURAL TRADITION
(THE UNBEARABLE LIGHTNESS OF ADDITIONS
TO FOUCAULT)**

Abstract. An attempt was made to identify and describe the eight stages in the development of ideas about the principle of care of the self in the Western cultural tradition: 1) the stage of the Greek polis; 2) the stage of Roman Hellenism; 3) early Christianity; 4) the birth of the individual (12th-14th centuries); 5) the anthropological turn of early Modern times; 6) the rationalistic turn of middle Modern period (17th-18th centuries); 7) social stage of late Modernity (19th – first half of the 20th century); 8) a personalist focus of the postmodern era (second half of the 20th – beginning of the 21st century).

Keywords: care for the self, practices of care for the self, Foucault, adult education

*Никому не стать, каким он хочет быть,
если не ненавидеть себя, каков есть.*

Франческо Петрарка
(Ep. fam. XXIV, 1)

Проблемы самореализации, самовоспитания, выбора жизненных целей и ценностей являются в науках о человеке одними из самых актуальных, как в теоретическом аспекте, так и в прикладном плане. При решении этих проблем центральным вопросом является понимание «заботы о себе»², найденной и акцентированной М. Фуко в античной культуре. В современном научном тезаурусе «забота о себе» маркируется как идея, феномен, дискурс, концепт, концепция, принцип, практика или техника [Смирнов 2015: 39–65]. Не останавливаясь подробно на дефинитивной неоднородности, подчеркнём, что она во многом является результатом слабой изученности влияния, которое «забота о себе» оказала на западную культурную традицию. Одна из самых ярких попыток такого изучения в конце XX в. была предпринята М. Фуко [Фуко 2007]. Он выдвинул идею о том, что поворотные точки в развитии западной культуры индивида как самого себя становятся «видимыми», если, в частности, избежать стремления

² В древнегреческих текстах чаще всего встречается формулировка «έπιζεια έαυτοῦ», а в древнеримских текстах не существовало устоявшегося словосочетания «забота о себе». У разных авторов присутствуют разные терминологические модификации, близкие к «cura sui».

соотнести тот или иной период в её развитии с системой отношений, которая существует между учителем и учеником, в ущерб системе отношений, которую ученик выстраивает с самим собой. Исходя из того, что непрерывность истории связана не с «калейдоскопом отношений», а с отношением субъекта к самому себе, он определил «заботу о себе» как особый феномен, возникший в античности и во многом определивший развитие западной педагогической мысли. В работах М. Фуко обозначено новое направление исследований, предполагающее историко-педагогическую концептуализацию феномена «заботы о себе». Однако, это обозначение пока не привлекло специального исследовательского внимания. Равно как не привлекло и то, что определения, данные М. Фуко понятию «забота о себе», включали и взаимоисключали друг друга в плоскостях разных знаний (педагогического, психологического, медицинского и т. д.).

Выражаясь метафорически, М. Фуко открыл «заботу о себе» для исследователей как некий ящик Пандоры, после чего настало время отнюдь не простого генерирования теории технологий себя и попыток соединить в ней образы античной, средневековой и современной заботы о себе как помощи себе и другим [Хархордин 2009: 41]. Стало ясно, что забота как воспитание, возделывание, излечение, помощь, руководство, надзор, назидание, преображение, совершенствование, обязанность, проклятье, долг, ноша, превозможение, перестройка, поддержание, сохранение, культивирование, поклонение, порицание, ответственность, опора, преобразование, строительство, созидание и многое другое – в немалой доле способна отразить многообразие исторически-конкретного человеческого опыта. Тексты разных эпох и культур о заботе одного индивида о другом, включая себя самого, содержат рекомендации по построению себя на различных путях работы с собой и помощи другим, но сравнение и, тем более, ранжирование этих рекомендаций является многосложной исследовательской задачей.

В рамках данной статьи нами предпринята амбициозная и во многом спорная попытка ответить на вопрос: можно ли в самом общем виде наметить основные этапы в развитии и эволюции представлений о принципе заботы о себе в истории западной культуры становления самого себя и, в итоге, взять на себя, по сути, невыносимую легкость дополнения к уже намеченным Фуко некоторым историческим периодам в развитии идеи заботы о себе?³

Авторы в полной мере осознают недостижимость поставленной задачи и просят рассматривать дальнейший текст в жанре гипотетической игры, в правила которой входит и представление его уничтожающей критике со стороны читателя, имеющего полное право предложить иное число этапов в истории идеи или идей заботы индивида о самом себе сформулированным по-другому содержанием каждого из них.

1. Этап завершения периода расцвета древнегреческого полиса: эпимелейя как условие политейи.

³ В российской науке первую, также весьма спорную (как и наша) попытку такого рода предпринял А. Е. Соловьев (Историко-философский анализ феномена «заботы о себе». Дис ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2006). Мы учтываем предложенную данным автором схему, но не следуем ей, в том числе, в связи с отсутствием в ней континуальности и применением к анализу одних исторических периодов материалов и текстов, порожденных другими периодами в истории рассматриваемой идеи.

Становление древнегреческой философии, философа как носителя осмысляющей саму себя культуры в условиях проблематизации отношения гражданина и города рождает в диалогическом дискурсе об идентичности особую тему. Этот первый этап рефлексии по поводу заботы о себе характеризуется обострением отношений между политом и полисом [Пичугина 2015: 86–99], которое создаёт поле обоюдного «заботливого» напряжения: (не)отчужденность граждан от забот города подкреплялась (не)отчужденностью города от забот граждан. Возникает двойственность концептуализации психического, концептуализации личности полита в «политической теории души» [Романов 2001: 132]. У Сократа и его учеников нашла отражение идея о том, что основу полиса должны составлять заботящиеся о себе образованные граждане, обладающие более широкими полномочиями в его управлении, чем просто образованные граждане. В таком случае, «забота о себе» оказывалась индикатором степени реализованности образовательных и личностных возможностей, обеспечивающих возможности политические и хозяйственные, и подрываала мировоззренческие устои, поскольку, несмотря на индивидуальные различия, для граждан демократического полиса равенство не только в политической сфере, но и в сфере доступа к образованию, полагалось нормой. Сократ, в свою очередь, подчеркивал, что «забота о себе» агонистична по своей природе. Равенство образовательных возможностей для него не исключало того, что можно и нужно соревноваться в образовательном успехе и доказывать свое превосходство в политической сфере. Именно об этом идёт речь в диалоге Платона «Алкивиад I», где Сократ задаёт афинскому государственному деятелю и полководцу Алкивиаду вопрос: «Однако, что ты собираешься делать с самим собою? Остаться таким, каков ты есть, или проявить о себе некоторую заботу?» [Платон 1986: 197]. Запутавшийся в ответах Алкивиад, оказывается в плену не только собственных политических амбиций, но и педагогических амбиций Сократа, предлагающего себя в роли наставника в «заботе о себе».

На первый взгляд, «забота о себе», о которой пишут Исократ, Ксенофонт, Платон и многие другие древнегреческие авторы, предполагает образовательную активность для восстановления гармонии с целостным социумом. Истоки познания себя как начала заботы о себе восходят к дельфийской надписи «познай самого себя», которая имеет множество трактовок, одна из которых – «пойми, что тебе нужно, и действуй». Однако речь, всё же, шла не столько о гармоничности, сколько о более или менее приемлемом балансе между частными и общими интересами. Подтверждением тому является заботившийся о себе Алкивиад, всю жизнь соперничавший не только с политическими союзниками или противниками, но и с самим собой. Плутарх справедливо заметил, что «двух Алкивиадов Греция не вынесла бы» [Плутарх 1994: 252], тем самым косвенно подчеркнув, что этот «продукт» педагогики «заботы о себе» до предела обострил отношения между политами и полисом.

2. Этап римского эллинизма: эпимелейя как жизнь вне политейи.

На этом этапе происходит складывание идеи заботы о себе как пути достижения независимости от обстоятельств, как внутренних упражнений и практик тела и души в направлении их иерархической целостности и мудрого ею распоряжения. Забота о себе рассматривается как работа над собой, как упражнение (аскеза) в отношении самого себя. Возможно, одной из ключевых

фигур этого этапа можно было бы считать Эпиктета [Эпиктет 2012]. Бывший раб, получивший свободу и ставший наставником в «заботе о себе», Эпиктет, характеризуя образованного человека, указывает на то, он не должен поддаваться чужим мнениям, которые «даже женщинам не пристали», и быть рабом по статусу или по сути. Проповедуя идеи «заботы о себе» в Риме и Никополе, Эпиктет приобщал к ним по возможности всех желающих, однако среди учеников его школы рабов и женщин не было.

Немногочисленные тексты Эпиктета представляют собой записи ключевых моментов его бесед с учениками на заданные темы. Одной из таких тем неоднократно была тема «заботы о себе» в понимании Сократа. Анализируя диалог Платона «Алкивиад», Эпиктет подчеркивал, что не стоит слишком «ревностно» призывать людей к заботе о себе, как это делал Сократ. Значительную часть беседы «О придании красоты внешнему виду» Эпиктет посвятил рассуждению о том, каким образом Сократ реализовывал на практике свои представления о «заботе о себе». В итоге Эпиктетом был сделан следующий вывод: если даже такому мудрому и почитаемому в городе человеку не удалось убедить заботиться о себе «даже тысячной части» из тех, кому он это предлагал, то для современных Эпиктету наставников проявление излишней назойливости просто небезопасно. Указав на свой опыт, Эпиктет предостерегал наставников от того, что в ответ на предложение позаботиться о себе, потенциальные ученики могут нагрубить или даже избить. Тем самым он подчеркивал, что к желанию заботиться о себе как жизненной практике человек должен прийти сам, и постоянного активного вмешательства извне не требуется.

По Эпиктету, человек может выстроить свою жизнь одним из двух способов: заботиться о многом (имуществе, друзьях, близких, рабах) и постоянно отвлекаться от заботы о самом себе или, напротив, сосредоточиться на себе и по мере возможности отказаться от других забот. Употребляя понятие «забота о себе», Эпиктет подчеркивал, что её следует осуществлять как одарённым (на кого ориентировался Сократ), так и неодарённым. То, что первые преуспеют в добродетели больше – не повод для вторых отказываться от «заботы о себе». В «Энхиридионе» Эпиктет не просто подчеркнул значимость заботы о самом себе («покажи, что не заботишься ни о чём, кроме самого себя»), но и в логике Сократа указал на её агональную природу: «И если тебе предстоит нечто приятное или трудное, славное или бесславное, помни, что настал час твоего состязания, начались Олимпийские игры, и уже нельзя ничего откладывать, и что в один день успех либо гибнет, либо обретается» [Эпиктет 2012: 73; 82]. Логика реализации «заботы о себе» Эпиктета была близка к логике Сократа и подразумевала осознанный выбор между «внешним» и «внутренним». В отличие от «афинского овода», который считал отправной точкой для «заботы о себе» внешний импульс в лице наставника, римский учитель Эпиктет говорил слушателям о внутреннем импульсе, не столько социальном, сколько приватном. Наставник призван способствовать тому, чтобы этот импульс со временем не угас в ученике.

3. Раннее христианство: эпимелейя как спасение души.

Этот этап характеризуется возникновением представления о недостаточности усилий самого человека в заботе о самом себе, о необходимости обретения трансцендентных и социальных помощников для выхода и поддержки на

пути к истинному себе. Ключевая фигура данного этапа – Аврелий Августин, в сочинениях которого возникает идея недостаточности только себя для правильной (праведной) заботы о себе. Августин отрицал античное понимание человека, в основе которого лежал перенос человеческих свойств на богов, а не божественных на человека. Но он, как и Сократ, считал, что пути постижения божественного затруднены тем, что человек не стремится познать самого себя, не способен возвышаться над чувствами, «сосредоточивать душу и удерживать ее саму себе» (*animum in se ipsum colligendi atque in se ipso retinendi, De ordine. I.1.3*) [Августин 2000б: 115]. Забота о себе как по мере сил своих превышающая земного себя формулируется условием доступа к вечной жизни и потому основой образа жизни истинного христианина.

В одном из писем Августин пишет о том, что мы – то, что мы есть, если верно заботимся о себе («*si curae nobis met ipsius sumus*») (Aug. Epist. A. D. 386^{1er. Ep.}²). В трактате о «О книге Бытия» он указал на то, что душа «оживает всё и всем управляет, и этим заботится о теле и о той жизни, в которой человек стал «душою живою», и предостерегал от таких «забот о самих себе», которые осуществляются с корыстными целями и связаны не с добродетелью, а с эгоистическими устремлениями [Августин 2000а: 485]⁴. Августин указал на то, что софисты, Платон, Пифагор и другие «языческие мудрецы» понимали, что существует много такого, чему можно научиться, просто слушая и подражая тому, кто умеет делать это хорошо. Если увлечь ученика, он неизбежно будет подражать наставнику в истолковании Священного Писания и уяснит педагогическое содержание понятий «воздержание», «покорность», «почтение», «смирение» и «великодушие». Необходимость «заботы о себе», с точки зрения Августина, обусловлена тем, что душа «повреждена» и не может сделать правильный выбор между двумя стратегиями «любви к себе». Первая стратегия связана с тем, что человек стремится «управлять самим собою и телом своим», присваивая функции, которые принадлежат Богу, и такая «любовь к себе» сродни ненависти («любовь к себе, доведенная до презрения к Богу»). Вторая стратегия связана с укрощением тела и освобождением его от страстей и пороков и реализуется человеком, чтобы примирить «духовное» и «телесное» на основе примата первого над вторым («любовь к себе, доведенная до презрения к себе как к греховному существу»). Августин не забывает, но преобразует логику Пифагора и Эпикура. «Забота о себе» у него – искусно подобранное наставником лекарство, «врачующее многоразличные болезни души человеческой» через мудрость, которая зафиксирована в Священном Писании. Такая «забота о себе» близка к пониманию Оригена: оружие, обращенное человеком на свои грехи, слабости, пороки, страдания. «Надо вооружить и укрепить человека – он слаб – против искушений и соблазнов...» (Aug. De catech. rud. VIII.1) [Августин 2002: 160].

В целом, Августин «заботу о себе» полагает движением к кардинально новому «я», близкому к обращению в истинную веру, совлечению с себя языческих ветхих «одежд» и одеванию новых – преобразованию в истинного нового человека, христианина [Безрогов 2015: 99–111]. От наставника требовалось

⁴ «*Sed anima in istis tamquam in organis agit; nihil horum est ipsa: sed vivificat et regit omnia, et per haec corpori consultit, et huic vitae, in qua factus est homo in animam vivam*», Augustinus. De Genesi ad litteram libri duodecim, VII.18.24 (PL 34).

раскрыть в человеке заложенную в него и постоянно его поддерживающую божественную мудрость, а от ученика – строго соблюдать христианские заповеди, иначе эта истинная мудрость заботы о самом себе окажется для него не-постижима.

4. Рождение индивида, фрагментарного себя вне цельного мира: эпимелейя как возможность себя.

На этом этапе происходит понимания границ самого себя. Забота о себе становится важна как путь или способ, условие встречи с самим собой, с истинным собой, с лучшим или цельным собой, с очищенным от грехов и несовершенств собой и т. д. Забота выступает как условие созерцания себя, своей природы, степени отклонения от неё и (не)возможностей вернуться к самому себе, позаботившись о себе самом. Изменить себя согласно увиденной истине о самом себе – такова интенция четвертого этапа [Родионовская 2013: 239–246]. Это вторичное после Античности возникновение ощущения само/одно-стояния себя в мире и самостоятельной работы с/над собой. Забота о себе вновь, но иначе, становится упражнением по совершенствованию души. Приучение себя к преодолению самоискажений, к спокойному восприятию неизбежного (время, смерть и т. д.), к тонкой и тяжелой работе по отделению первых от второго, готовности ко второму и преодолению первых – становится частью позднесредневековой, предренессансной работы над собой, выработки различных путей, ведущих к достижению такого разделения и самопреодоления. Индивид снова возникает один в зеркале перед самим собой: жизнь как активное странствие во времени и вечности заботы о себе. Из третьего этапа в четвертый приходит помочь социального окружения в заботе о себе – реального либо воображаемого: ««живи так, словно живёшь на народе, делай всё так, словно на тебя все смотрят, думай так, словно твои мысли можно видеть насквозь, считай, что твой дом — народный театр, твое сердце — божий храм» (Petrarca. *Pistolae familiares*. XIV.1).

Процесс «перезапуска» тезиса о важности активной заботы о себе, самотрансформации, занял период примерно с XII по XIV века⁵. Франческо Петрарка сформулировал идею заботы о себе как пути к добродетельному себе с помощью присущих своей личности вневременных качеств и того, к чему ты призван, в том числе своим делом, призванием, профессией. Главное дело жизни имеет неизбежные пределы работы по преодолению несовершенства самого себя, и даже внутри этого дела может содержаться источник препятствий к достижимости встречи с истинным, праведным, совершенным по-Божески самим собой. И тогда становится предметом обсуждения (не)возможность достичь управляемости самим собой, найти подлинного себя в складках времени и позаботиться о результате доступа к истине о самом себе. Профессиональный идеал в заботе о себе и совершенство души как высшая цель такой заботы не всегда соотносимы и объединимы. И в то же время рождается идея о благочестивом выражении себя как такового, в связи и не в связи с делом, к которому тебя призвал Господь; о высказывании себя как трудном, но благодатном пути к истинной заботе о себе, в том числе, через биографический рассказ о себе; о поисках себя между призванием души, призванием жизни и

⁵ Об этом процессе и фигуре Петрарки в нем см. [Morris 1972; Zak 2010].

призванием своего дела, о заботе по их верному соединению. «Забота о душе требует философа, совершенство языка свойственно оратору; ни душою, ни словом мы не должны пренебрегать. ...Ибо и слово – первое зеркало духа, и дух – не последний водитель слова. Они зависят друг от друга... хотя, конечно, где позаботились о духе, слово не останется в небрежении, равно как, наоборот, слову не придашь достоинства, если не сохранит свое величие дух» (Petrarca. Epist.fam.I, 9) (цит. по: [Родионовская 2013: 244]). Добродетельный, собственный, истинный ты сам есть путь тройной заботы о себе, триалога эпимелей как её сущностной эволюции на пути усложнения индивидного и индивидуального «я». Создание себя, правильный результат работы над собой – перемена ума и души в процессе синтеза Бога, труда, своей индивидности. Неподлинность себя, пределы видения собственного блага осмысливаются как пределы достижимой заботы о самом себе. Возможная невозможность заботы о себе Средневековья (мистика) постепенно меняется на невозможную (пока) возможность заботы о себе (например, через поэзию, как у того же Петrarки). Возрождение добавит идею утраченного, далекого, стёртого и возобновляемого в своей недостижимости идеала как вечно чаемого и временами приближаемого предела в заботе о себе идущего «путём древних», *via antiqua*. Идея реального себя как степени приближения в результате работы над собой к идеальному себе актуализируется на данном этапе. Поэтому биографическая работа, описание собственной жизни⁶ становилось формой заботы о самом себе, и Петrarка теряется в догадках, назвать ли своё повествование «выдумкой/мифом (fabula) или историей (historia)» (Petr. Fam. 19.3.16).

5. Антропологический поворот раннего Модерна: эпимелей как ценность всего себя.

Биографическая работа переводит осмысление заботы о себе на следующий этап эволюции, характерный становлением внимания к самому себе во всех своих проявлениях – от физиологических до духовных. «С самого раннего возраста я утвердился в решении заботиться об устройении своей жизни», – пишет один из наиболее знаковых для данного этапа авторов – Джироламо Кардано [Кардано 2012]. Здесь важно акцентирование рефлексии на работу внешних пяти чувств, на идею правильного, достойного, счастливого, единого существования как результата верной заботы о себе. Не заботящийся о себе обречён на тот или иной вид несуществования. Забота о себе связана прежде всего с существованием, а не с бытием. Объективный человек как предмет заботы делает «медицинско-антропологический анализ собственной индивидуальности» центром внимания в дискурсе такого типа заботы о себе [Кон 1984: 119]. Ключевая фигура, как мы уже сказали, врач и натурфилософ, инженер, математик и астролог Джироламо Кардано. Время – XVI столетие. Написанная на склоне лет, автобиография Кардано может быть рассмотрена в качестве основного текста пятого периода. Джироламо тщательнейшим и подробнейшим образом описывает самого себя и свою жизнь. Внимание ко всем деталям наружности вплоть до размеров и месторасположения родинок

⁶ В 1356 году Карл IV, император Священной Римской империи и король Чехии, попросил Петrarку описать всю его (Франческо) жизнь «по порядку от момента рождения до сегодняшнего дня» (Petr. Fam. 19.3.16).

и прыщиков, особенностям частей тела, к их виду в здоровье и нездоровье, полный перечень болезней, привычек, подробный отчет в еде и её рационе, в нравах, увлечениях, пороках, заблуждениях и т. д. замыкает заботу о себе на внимательности к рассматриванию и «сканированию» себя как такового, во всех деталях и их существовании во времени земной жизни. Забота о себе на этом этапе эволюции понятия – это забота о единичном как таковом. Объектом заботы о себе становится целостный человек, в котором нет раздирающих его противоречий, но каждая деталь конкретного облика и поведения оказывается на месте и требует внимательности к самой себе, заботы об этой части великого антропологического (и антропокосмического) целого. Возведённый в принцип антропологизм эпохи обеспечивает и возвышение заботы о себе, её многомерность и систематичность, но также приводит и к кризису подобного понимания заботы как лишь о «тутошнем себе» во всех прыщиках и раздутых в своей значимости особенностях себя именно как себя вне иерархической оценки этих особенностей. «Гиганты» и «титаны» Возрождения оказываются гигантами и титанами не только добра и позитивного развития человеческой природы, но и тиранами зла, разворачивавшими и развивавшими тёмные стороны человеческой природы и заботы о ней как о демоническом начале. Превышавшая социальную добропорядочность и гуманность, забота о самом себе окрасила эпоху позднего Возрождения (или раннего Модерна) в мрачные тона. Один из выходов был найден в протестантизме – в приближении Бога к самому себе (наподобие ранних христианских апологетов) и рациональной заботе о призванном Богом себе как управляющем самим собою ради оправдания такой призванности [Безрогов 2016: 51–60].

6. Рационалистический поворот среднего Модерна: эпимелейя как условие разумного себя.

XVII–XVIII вв. Усмирение себя и «врачевание (излечение, медицина) самого себя» становится разумной работой над собой, своего рода, «медициной разума», врачеванием, (из)лечением ума. Не мановением судьбы, но воплощением в человеке разумного начала. Заботящийся о себе разумен, а не разумен тот, кто не заботится, не осмысляет себя и не действует в связи с таким осмысливанием и пониманием. Забота о себе есть усовершенствование в себе разумного начала, которое понимает и выстраивает мир и самого себя в нём. «Я осмысляю себя – следовательно, я заботюсь о себе». Диалог души с самой собою преобразуется в диалог её разумной части, разума с самим собой [Романов 2001: 126]. Рассуждение, «рассудочность» становится главной характеристикой заботы о себе. (Рас)суждения о себе выстраиваются в систему аксиом/теорем/тезисов себя, которая из заботы о себе делает моделирование себя в качестве этической теории мыслящего себя субъекта. Рассудок предлагает такую теорию себя в качестве модели заботы антропоса о самом себе. Теория этики предстает теорией заботы человека о себе и других подобных самому себе.

Мышление себя мыслямым (*cogitabilis*), разговор со своим рассудком, медитативное наблюдение себя разумом есть забота о себе. Человек как разумное существо не может утратить заботу о самом себе, пока в нём присутствует и работает разум. Теоретизирование себя предстаёт важной частью заботы о себе, как забота о себе по внушению разума, познанию себя как очевидности. Мышление становится самой заботой: я осмысляю себя, – следовательно, я

о себе заботчусь. Упражнение себя переносится в мышление, как о себе, так и не только о себе: в том числе виды заботы о себе как забвения себя в познании предлежащего себе мира. Формируется идея заботы о себе как разумного пути к очевидной этике просвещенного себя. Забота о себе становится способом управления собой либо свободой от такого управления (либертина). Знаковая фигура этого этапа – Барух Спиноза («Об усовершенствовании разума»). Рационализация заботы о себе включает и наблюдение за психологией себя как личности; образ врачающегося воззрением на самого себя здравомыслящего разума; видящего и по-разному обращающегося с самостью, лицом, личностью, индивидом, самотождественностью и другими интегральными целостностями самого себя. Забота о самом себе под надзором самого себя предстаёт путём *ratio*, доминирующего в ландшафте человеческого ума и самопознания, выстраивавшего практику на основе теории разумного опыта.

7. Переход к сознательной заботе о таком себе во всем объеме общественных связей: эпимелей как условие социального бытия.

XIX – первая половина XX века демонстрируют социальный акцент в понимании заботы о себе периода позднего Модерна. Этот этап может быть охарактеризован как этап, на котором человек превратился в социальную цель. Забота о себе стала рассматриваться как базовое для существования социума онтологическое качество человеческой природы. Социальная физика Проповедования становится социальной этикой и социально-философской антропологией. Благотворительность от конфессиональных и частных инициатив медленно и трудно, но поднимается до уровня государственной социальной политики. В середине XIX века появляется термин «социальное государство», утверждается идея общеинституциональной заботы о гражданах помимо различных филантропических фондов, церковных и частных инициатив [Евстратов 2006; Чикалова 2006]. В 1870-х – 1910-х годах вводится обязательное социальное и медицинское страхование во многих европейских странах. Между защитой граждан и заботой о них прокладываются важные содержательные пути. Второй этап осуществления систем заботы/защиты граждан от бедности, болезней и несчастных случаев прошел в 1930-е – 1960-е годы XX века. Вопрос об уровне и степени заботы кооперированных граждан государства о других гражданах этого государства, включая их самих, становится одним из центральных. Он же и порождает проблематику существования в такой системе каждого конкретного человека. Бытие и существование входят в сложный и противоречивый диалог друг с другом. Возможности личности к самоосуществлению в такого рода среде приобретают качественно иной спектр и создают условия для особенно напряженного осмыслиения проблематики заботы человека о самом себе, условия, подготавливавшие переход к восьмому периоду в развитии этой идеи [Тульчинский 2010: 49–63].

Возможно, ключевой фигурой второй части седьмого периода в развитии идеологии заботы человека о самом себе можно было бы назвать Мартина Хайдеггера, философско-этические работы которого позволили связать социальную заботу о себе с человеческим бытием, перевести центр внимания с событийности заботы на её бытие в онтологическом и экзистенциальном планах. М. Хайдеггер в ряде работ («Что такое метафизика?» (1929 г.), «Послесловие к: «Что такое метафизика?» (1943 г.), «Письмо о гуманизме» (1946 г.) и др.) указал

на то, что существование человека во внешнем мире обусловлено измерениями его внутреннего мира, которые пронизаны особым отношением («заботой») к окружающей реальности и значимости языкового присутствия в ней. По его мнению, все требования к человеку продиктованы ключевой «заботой» – заботой о возвращении человека его существу. Хайдеггер конкретизировал понятие «забота» в аспекте исключительной значимости рефлексии самого себя и её экспрессии в языке: «Без слова любому действию не хватает того измерения, в котором оно могло бы найти себя и оказать воздействие» [Хайдеггер 1993: 254].

8. Персоналистский акцент постмодерна: эпимелейя как условие метарефлексии над практиками себя.

Вторая половина XX – начало XXI века ознаменовала появление нового уровня рефлексии на тему заботы о себе – при том, что седьмой период ещё не был завершен. Забота о себе становится заботой об истории себя, истории рассмотрения разных подходов в осуществлении заботы индивида о самом себе, проходящем в том или ином социальном, организационном, институциональном и прочих контекстах. Ключевая фигура данного этапа – М. Фуко, в работах которого была раскрыта сущность «заботы о себе» как феномена, возникшего в рамках античной культуры и продолженного после её разрушения («Герменевтика субъекта», «Технологии себя», «Управление собой и другими» и др.). В «Герменевтике субъекта» М. Фуко подчеркивает, что первые попытки осмыслиения феномена «заботы о себе» были предприняты мыслителями Древней Греции и обращается к анализу диалога Платона «Алкивиад I», где Сократ предлагает Алкивиаду стать его наставником и явить ему образец заботы о себе. Несмотря на спорность выводов и не всегда корректное обращение к источникам, Фуко пробует проследить развитие представлений о «заботе о себе» на протяжении достаточно длительного хронологического периода. Он выделяет ключевые идеи в понимании «заботы о себе», указывает, кем, как и когда в дальнейшем они повторялись, и старается объяснить, почему, будучи по-разному интерпретирована, «забота о себе» несколько веков оставалась ведущим антропологическим ориентиром античности. По его мнению, «забота о себе» – это *принцип*, преобладавший «в греческом, эллинистическом и римском образе мысли», в основу которого было положено особое отношение к себе в целом, погружение в мысль о себе и проявление внутренней и внешней активности. Впрочем, М. Фуко в достаточной мере не эксплицировал, что «забота о себе» являлась принципом, положенным в основу античного образования взрослого человека.

В «Археологии знания» М. Фуко, выделив шесть автономных периодов истории, среди которых особое место заняла античность, указал на то, что в каждом из них существует «концептуальная система» особой организации. Обозначив «антропологические концепты», философ указал на то, что их выявление, упорядочивание и объединение в концептуальные схемы позволяет отразить специфику западной системы образования в целом. М. Фуко подчеркивает, что раскрывая сущность своего метода исторического анализа, он пытался «избавиться от всякой антропологической зависимости и, вместе с тем, понять принципы формирования такой зависимости» [Фуко 1996: 17–18]. Наряду с уникальными концептами («концептами прерывности»), которые характеризуют человека в образовательном пространстве каждого из шести выделенных

Фуко периодов истории, им были обозначены универсальные концепты («постоянные и устойчивые концепты»), раскрывающие специфику образовательного пространства в целом («концепт субъекта», «концепт суждения», «концепт слова» и др.). Обозначив необходимость разработки новой историко-педагогической периодизации, М. Фуко сделал парадоксальный вывод о том, что нет необходимости говорить о каждом конкретном антропологическом концепте, поскольку многое важнее осмыслить условия их возникновения. Несмотря на то, что в работах М. Фуко значительное место уделено сопоставлению представлений о человеке в его истории с представлениями о «заботе о себе» того или иного периода истории западной системы образования, в них не было эксплицировано то, что «забота о себе» конкретизируется через определенную концептуальную схему. Отдельные концепты Фуко в силу их связи не столько с прошлой эпохой, но и современностью (как личным, так и социальным опытом) с трудом, с большими оговорками и коррективами могут быть интегрированы в единую теоретическую схему понимания истории западной цивилизации в целом и истории западной системы образования, в частности.

Вместе с тем, концептуальная схема, на основе которой «забота о себе» конкретизировалась в античной педагогической мысли, «проступает» у М. Фуко достаточно ясно. По его мнению, «забота о самом себе» имеет три аспекта: во-первых, это некая общая установка на себя, своё поведение и отношение к другому человеку, во-вторых, это особая форма рефлексии, подразумевающая постоянное переключение внимания с внешнего мира на свой внутренний мир, в-третьих, это последовательность действий по преобразованию самого себя, некие техники конструирования субъектности [Фуко 2007: 23]. В логике М. Фуко, первый аспект у античных мыслителей раскрыт следующим образом: предметом неусыпного внимания того, кто претендует на статус образованного человека, должно быть его тело и душа. Забота о душе и забота о теле делают человека менее уязвимым к страстям и порокам, а, следовательно, более восприимчивым к образованию. Второй аспект был связан с тем, что осуществлять заботу о себе приходилось в пространстве города, который мог как помогать, так и препятствовать своим жителям осуществлять длительную сознательную работу над собой. Третий аспект был связан с тем, что только наставник способен научить ученика самостоятельно выстраивать образовательные стратегии в контексте жизненных стратегий. Окончив школу, молодой человек, желающий не просто жить по законам государства, но и управлять им, должен был научиться заботиться о себе. Наставник появлялся в жизни человека после учителя на определенный период времени и брал на себя обязательство дать образец «заботы о себе».

Очевидно, что М. Фуко не дал полной историко-педагогической концептуализации феномена «заботы о себе». Однако, именно в его работах было обозначено то, каким образом можно осуществить генерализацию историко-педагогического знания, выявляя универсальное и уникальное в становлении и развитии представлений о феномене «заботы о себе», связывая эпохи, культуры и континенты.

Предварительные выводы.

Опыт (культура), язык и традиция обусловливают разные представления о социальной озабоченности познающего себя индивида; об исцелении,

врачевании себя и других; о предписанной нормативности заботы индивида о целом при необязательности заботы целого об индивиде; о самокультивировании себя в единстве с окружающим миром; и многие другие. Грубо сформулированные нами, изобилующие неизбежными утратами и спрятлениями, восемь этапов развития идеи заботы о себе в Западной Европе и Новом Свете, лишь частично совпадают с намеченной фукольдианством последовательностью: анамнезис – эпистрофе – метанойа – когито (этапы 1, 2, 3, 6 нашей схемы). Это, во-первых. Во-вторых, нет возможности распространить их на историю других регионов – Востока, России, Африки. Культурные традиции этих регионов дают иные представления о заботе о себе, фрагментарно диалогизирующие с западными и лишь частично с ними сопоставимые⁷. Тем не менее, предложенная для обсуждения схема, во-первых, подтверждает, что обнаруженный концепт «заботы о себе» не является плодом воображения Фуко, хотя последний представлял его совсем не так, каким он, по-видимому, был даже в античности; и, во-вторых, показывает относительно непрерывное и преемственное (конечно, не без разрывов и качественных скачков) движение человеческой мысли в понимании заботы людей о самих себе как индивидуальных экзистенциях общего бытия.

Литература

- Августин 2002 – Августин. Об обучении оглашаемых // Блаженный Августин. М.: Изд. дом Ш. Амонашвили, 2002. С. 13–151.
- Августин 2000а – Августин. О книге бытия // Блаженный Августин. Творения: В 4 т. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. Т. 2: Теологические трактаты. С. 316–673.
- Августин 2000б – Августин. О порядке / пер. Н. Петрова// Блаженный Августин. Творения: В 4 т. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. Т. 1: Об истинной религии. С. 114–182.
- Безрогов 2016 – Безрогов В. Г. Концепция заботы о себе *adversus nationes*: воцерковление Арнобия Афра // Вестник ПСТГУ, серия «Педагогика, психология», том IV:3, 2016. С. 51–60.
- Безрогов 2015 – Безрогов В. Г. Обращение и преображение как забота о себе: педагогическая парадигма христианской культуры // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г. В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М. А. Козловой и В. Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведёт нас вглубь самих себя. – М.: Канон+, 2015. С. 99–111.
- Кардано 2012 – Джироламо Кардано. О моей жизни. М.: Высшая школа экономики, 2012. – 344 с.
- Евстратов 2005 – Евстратов А. Э. Генезис идеи социального государства: историко-теоретические проблемы: автореф.дисс.канд.юр.наук. Омск, 2005. 21с.
- Кон 1984 – Кон И. С. В поисках себя. Личность и её самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
- Пичугина 2015 – Пичугина В. К. Культура города как (не) самого себя: забота о себе в античной педагогике // Психологопедагогический поиск, 2015. №2(34). С. 86–99.

⁷ См., к примеру: Dimensionen der Selbstkultivierung. Beiträge der Forums für Asiatische Philosophie. Hrsg.von Marcus Schmücker und Fabian Heubel. Freiburg-München: Karl Aiber, 2013 (Welten der Philosophie, 7).

- Платон 1986 – *Платон. Алкивиад I* // Диалоги / пер. с древнегреч. С. Я. Штейнман-Тонштейн. М.: Мысль, 1986. С. 175–223
- Плутарх 1994 – *Плутарх. Сравнительные жизнеописания*: в 2-х т. М.: Наука, 1994. Т. 1. 702 с.
- Родионовская 2013 – *Родионовская А. О. Платонизм Петrarки: принцип «заботы о себе» в Familiares* // Вестник РХГА, 2013. №14:3. С. 239–246.
- Романов 2001 – *Романов И. Ю. Забота о душе в исторической перспективе* // Вторая навигация: альманах 3. М.: Весть-Вимо, 2001. С. 124–154.
- Смирнов 2015 – *Смирнов С. А. «Забота о себе» в отечественных исследованиях: феномен, концепт, проблематика. Аналитический обзор* // Психолого-педагогический поиск, 2015. №4(36). С. 39–65.
- Тульчинский 2010 – *Тульчинский Г. Л. Личность как успешный автопроект* // От события к бытию: грани творчества Галины Иванченко. Сб. науч. ст. М.: Высш. шк. эк, 2010. – С. 49–63.
- Фуко 1996 – *Фуко М. Археология знания* / пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова. Киев: Ника-Центр, 1996. 206 с.
- Фуко 2007 – *Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочит. в Коллеж де Франс в 1981–1982 учеб. г.* / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 680 с.
- Хайдеггер 1993 – *Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. 447 с.
- Хархордин 2009 – *Хархордин О. В. Дружба: классическая теория и современные забо*ты // *Дружба: очерки по теории практик*. СПб.: Изд-во ЕУ в Санкт-Петербурге, 2009. С. 11–47.
- Чикалова 2006 – *Чикалова И. Р. У истоков социальной политики государств Западной Европы* // Журнал исследований социальной политики, 2006. Т.4:4. С. 501–524.
- Эпиктет – *Эпиктет. Энхиридион (краткое руководство к нравственной жизни); Сим-пликий. Комментарий на «Энхиридион» Эпиктета*. СПб.: «Владимир Даль», 2012. 399 с.
- Dimensionen der Selbstkultivierung. Beiträge der Forums für Asiatische Philosophie. Hrsg. von Marcus Schmücker und Fabian Heubel. Freiburg-München: Karl Aiber, 2013 (Welten der Philosophie, 7). 467 s.
- Morris 2010 – *Morris Colin. The Discovery of the Individual, 1050–1200*. New York, London: Harper and Row, 1972. 188 p.
- Zak 2010 – *Zak Gur. Petrarch's Humanism and the Care of the Self*. Cambridge: CUP, 2010. 179 p.